

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Исторический ЖУРНАЛ

11-й год издания

№ 6

Июнь 1941 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV—XV веках

1

Образованию русского национального государства при Иване III предшествовала широчайшая идеологическая подготовка, своеобразное культурное возрождение русского народа; оно началось еще с 80-х годов XIV века, вслед за Куликовской битвой. Именно вслед за победой на Куликовом поле, явившейся первым этапом свержения татаро-монгольского ига, возник тот подъем народного самосознания, который еще в конце XIV века, а особенно резко в первой половине XV века, привел к усиленной деятельности исторической мысли. Центральное место в этом возродившемся интересе к родной истории принадлежит Москве.

В конце XIV — начале XV века работа московских летописцев стала важнейшим государственным делом. Ведя политику собирания русской земли в единое целое, Москва нуждалась в идеологическом обосновании своих действий; в реальном возрождении исконной летописной идеи о единстве княжеского рода и русской земли. Московские митрополиты и великие князья свозили в Москву различные областные летописи и широко использовали их в своем летописании. Московская летопись из узкой, областной становилась благодаря этому общерусской, приобретала общенародный характер и невиданный ранее размах. Эта работа московских летописцев, соединивших в самом конце XIV — начале XV века разрозненное летописание отдельных областей, значительно опережала реальный политический рост Москвы. Характер московского летописания, по выражению крупнейшего исследователя русского летописания А. А. Шахматова, «свидетельствует об общерусских интересах, об единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникали в политических мечтах московских правителей»¹.

В самом конце XIV века в Москве был составлен первый большой летописный

свод, названный «Летописцем великим русским». По одним предположениям (А. А. Шахматов), «Летописец» этот возник в 1396 году, по другим (М. Д. Приселков), — в 1389 году². Попытки выйти за пределы узко московских интересов еще очень слабо ощущаются в этом своде. Однако чрезвычайно серьезным новшеством, наложившим резкий отпечаток на все последующее московское летописание, было то, что в начале этого свода была включена «Повесть временных лет» — замечательный памятник киевского летописания XII века. «Повесть временных лет» была тем произведением древнерусской литературы времени Владимира Мономаха, которое живо хранило идейные традиции литературы домонгольской Руси, сознание единства княжеского рода и русской земли. Отсюда московские летописцы могли заимствовать идею служения князя народу, свободную критику действий князей, идею обороны русской земли от кочевников соединенными усилиями русских княжеств. Именно с этого момента включения «Повести временных лет» в качестве составной, вступительной части в московские летописи мы видим в них не безразличное к политическому смыслу происходящего наименование татар половцами, а татарской степи — половецкой; очевидно, что «Повесть временных лет» не только переписывалась в это время, но и усиленно читалась, и события, изображенные в ней, применялись в определенном смысле к событиям современности. Призывы «Повести временных лет» к борьбе с половцами воспринимались как призывы к борьбе с татарами. И летописец не без умысла менял эти названия, сопоставляя тех и других как общих врагов русской независимости.

Первый общерусский свод, по-настоящему вышедший из узких пределов местных интересов: тверских, московских, суздальско-нижегородских, ростовских, рязанских, новгородских — и осветивший историю последнего столетия с точки зрения единства русской земли, был соста-

¹ А. А. Шахматов «Общерусские летописные своды XIV и XV веков». «Журнал Министерства народного просвещения». 1900. Т. IX, стр. 91.

² М. Д. Приселков «История русского летописания XI—XV вв.», стр. 113 и сл. Л. 1940.

влен в Москве в 1408 году¹. Инициатива составления этого свода принадлежала митрополиту Киприану. Он превратил Москву в религиозный центр всей Руси и фактически подчинил московской митрополии церковные организации отдельных русских областей, в том числе и тех, которые входили еще в состав Литвы. В самые последние годы своей жизни Киприан собрал с различных концов Руси местные летописи, действуя в этом отношении через подчиненную ему церковную организацию. К своду были привлечены Новгородская летопись, Рязанская — княжеская, Суздальская, Тверская, некоторые местные московские летописи (например Серпуховская) и предшествовавший московский «Летописец великий русский». Составленная таким образом летопись (окончание работы над нею относится уже ко времени после смерти Киприана) известна под названием Троицкой. Летопись эта сгорела при московском пожаре 1812 года; выдержки из нее сохранились лишь в Приложениях к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Существенным моментом в Киприановской летописи явился ее учительный, публицистико-назидательный характер по отношению к московским великим князьям.

Следующий за Киприановским сводом свод Фотия не только удержал, но и развил именно эту учительную по отношению к московскому великому князю тенденцию. Критическое отношение к московскому великому князю за недостаточно решительные, по мнению летописца, действия против Орды составляло отныне одну из самых «боевых» сторон Московской летописи. Она ориентировалась на «Повесть временных лет», на возрожденные традиции киевского летописания.

Свод Фотия отразил в своем составе все летописное богатство древней Руси. Он соединил в себе в обширных извлечениях летописи Тверскую, Новгородскую, Ростовскую, Ярославскую, Нижегородскую и т. д. Эти местные летописи не были здесь обезличены: они сохраняли иногда в неизменном виде местные симпатии и политические устремления. Решительной новостью явилось использование в своде народных эпических преданий о богатырях Александре Поповиче, Демиане Куленевиче, Рагдое Удалом, Добрыне и др. Имена их были включены в летопись². Москва явно стре-

милась придать летописанию общенародный характер.

Соединение в единую летопись разрозненных летописей множества разобщенных областей свидетельствует о вполне созревшей уже мысли о единстве Руси. Мысль эта сочеталась пока с бережным использованием местной литературы, местных, иногда демократических тенденций и не диктовала еще сурового сокращения и цензурирования местных памятников. Наоборот, Московская летопись в эти годы явно начинала занимать все более и более демократическую позицию, выдвигая роль горожан в защите Руси от кочевников. Иную трактовку получила, например, в новом своде повесть о Тохтамышне³. В предшествующем летописном своде главная роль в защите Москвы от войск Тохтамышна принадлежит внуку Ольгерда Остею⁴, заменившему ушедшего в Кострому великого князя Дмитрия Ивановича. Гибель этого литовца сломила якобы сопротивление Москвы. В новой редакции повести о Тохтамышне Фотиевский свод с особенным вниманием говорит о московских купцах-гостях: «суроужанах», суконниках и др. Они названы поборниками земли русской, против них главным образом направлена ненависть татар. Литовский князь Остей не выступает уже защитником Москвы от Тохтамышна, как в своде Киприана: сами горожане оберегают город. В повествование введен новый рассказ о подвиге суконника Адама, который, заметив с Фроловских ворот важного татарского князя, попал ему из самострела прямо «в сердце его гневливое». Взять Москву Тохтамышу удалось лишь при помощи измены в русском стане и ложных, вероломных обещаний.

Демократический характер этой переделки несомненен. Версия эта носит следы фольклорного происхождения: былины знают горького пьяницу Василия Игнатьевича, который в Киеве со стены города поражает стрелами трех знатнейших татарских вельмож.

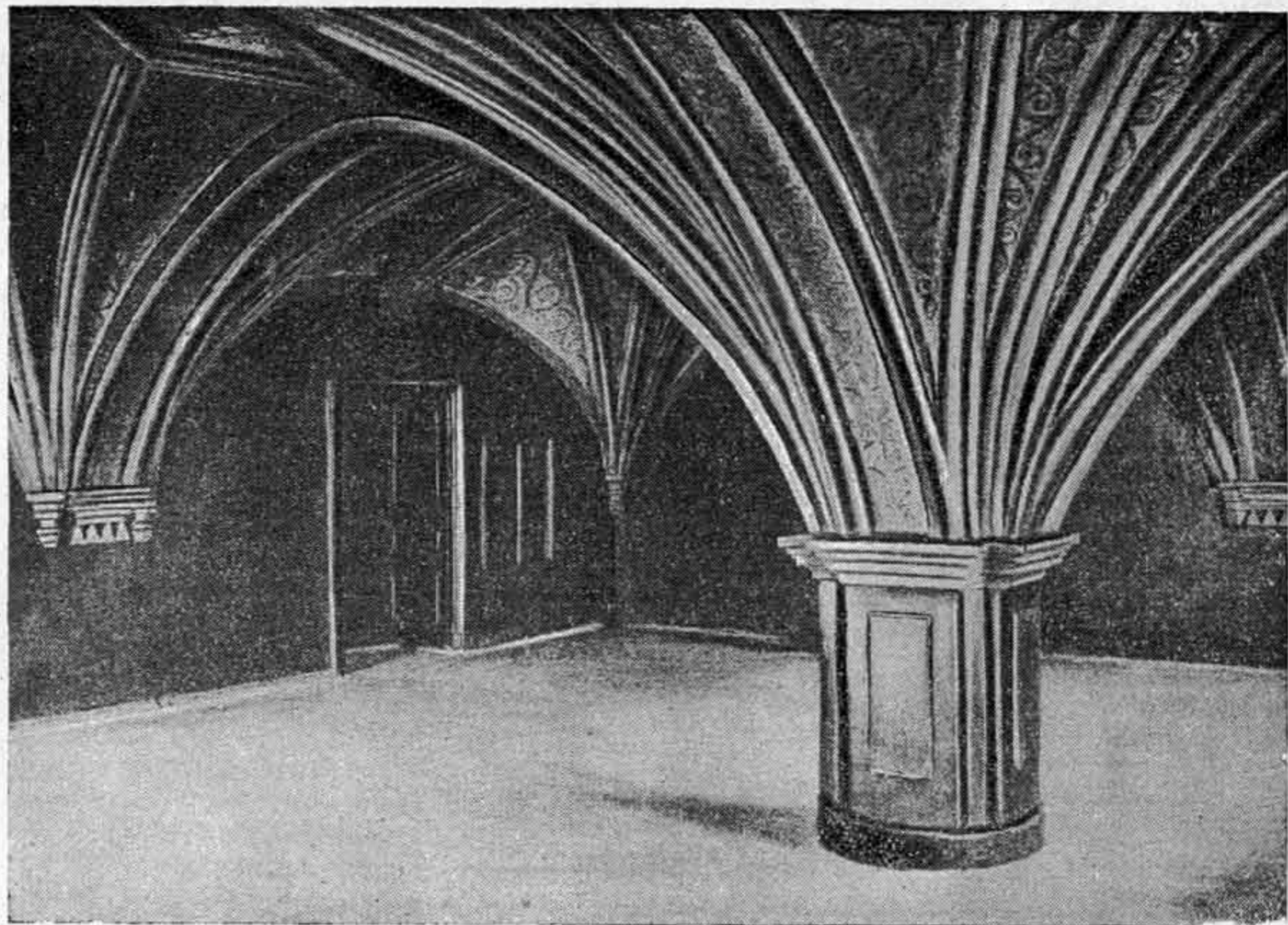
Таким образом, идея единства Руси вошла в московские летописные своды вместе с демократическими тенденциями. Действия великого князя московского обсуждаются в них с точки зрения соответствия их задачам общенародной политики. В этом последнем отношении чрезвычайно пока-

¹ Датировка М. Д. Приселкова («История русского летописания XI—XV вв.», стр. 128 и сл. Л. 1940).

² См. об этом подробно у А. А. Шахматова «Общерусские летописные своды XIV и XV веков». «Журнал Министерства народного просвещения». 1901. Т. XI, стр. 73—77.

³ Характер этой перемены вскрыт В. Л. Комаровичем в главе «Московские летописи» II тома «Истории русской литературы» (печатается).

⁴ См. Летописец Рогожский. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Изд. 2-е. Вып. 1-й, стр. 144 и сл. 1922; Симеоновская летопись. П. С. Р. Л. Т. XVIII, стр. 131 и сл. 1913.

Грановитая палата в Новгороде (место заседаний новгородского правительственного совета).
1433 год.

зательна неясная по своему происхождению, возможно составленная в Твери, пространная и витиеватая повесть о Едигее (1408 год). Повесть резко заострена против политики московского великого князя, пригласившего к себе на помощь татар и приютившего «ляха» Свидригайло. Когда пограничные отряды Едигея пришли, чтобы помочь русским против Витовта, «старцы же сего не похвалиша, глаголюще: «Добра ли се будет дума юных наших бояр, иже приведоша Половец на помощь?»¹. Летописец осуждает князей, которые наводят половцев-татар — «брат на брата».

Но особенному осуждению подвергся в летописи великий князь Василий Дмитриевич за то, что отдал Свидригайлу, «ляху верою», кафедральный город митрополита всея Руси — Владимир. В повесть вставлена похвальная характеристика города Владимира как стола Русской Земли, «мати градом» русским, города пречистой богоматери, в котором «князи велиции Руссии первоседание и стол земля Русския приемлють»².

Резкому осуждению подвергнуты в повести и нерешительные действия русских

войск: «Да аще явится где един Татарин, то мнози наши не смеяхуть противитися ему, аще ли два или три, то мнози Руси, жены и деты мечюще, на бег обращахуся»³. По поводу оставления великим князем Москвы вставлена цитата из псалма, не оставляющая никаких сомнений в цели ее применения: «добро есть уповати на господа, нежели уповати на князя...»⁴.

Замечательно, что, желая оправдать свою резкую критику светской власти, летописец под конец «Повести» ссылается на «начального летописца Киевского», который «временно богатства земская не обинуяся показуеть», и на великого Селивестра (одного из редакторов «Повести временных лет»), «не украшая пишущего». Ссылается летописец и на первых властодержцев русских, повелевавших без гнева «вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати»⁵. Эта небольшая приписка к «Повести», полной укоров и обличений, лучше всего показывает, какого широкого взгляда держался московский летописец на свою работу, какая острота политического обличения влагалась им в летописные своды начала XV века и каким авторитетом пользовалась «Повесть временных лет».

¹ Симеоновская летопись. П. С. Р. Л. Т. XVIII, стр. 156. СПб. 1913.

² Там же, стр. 157.

³ Там же, стр. 158.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 159.

Общенародный, господствующий характер этого обращения ко временам национальной независимости после Куликовской битвы (1380 год), к Киеву, к «Повести временных лет» и к Владимиру как к городу, овеянному еще воспоминаниями, связанными с эпохой независимости, резко выступает не только в книжности. Сопоставление летописной работы начала XV века с тем, что творилось в это время в области живописи и архитектуры, ярче всего демонстрирует, какого грандиозного размаха достигли в начале XV века восстановительные тенденции. Конец XIV — начало XV века может рассматриваться как своеобразная эпоха национального возрождения, связанного с особым интересом к родной истории и к памятникам прошлого. Резкий перелом в области московского строительного искусства наступил именно в княжение Дмитрия Донского. Архитектурные формы постепенно обнаруживали стремление к внешнему блеску, к пышности и к богатству, как бы отражающим общий подъем народного самосознания после первых побед над татарами. С княжения Дмитрия Донского впервые в русской истории началась реставрация памятников, связанных с воспоминаниями об эпохе национальной независимости. Очевидно, что именно в княжение Донского ремонтировался Успенский собор (1158 год) во Владимире и стал княжеским собором. Реставрационные работы особенно усилились в начале XV века. В 1403 году обновлялся собор 1152 года в Переяславле Залесском. В 1408 году знаменитый русский живописец Андрей Рублев восстановил по приказанию московского великого князя древнюю домонгольскую живопись Успенского собора во Владимире¹. Реставрационные работы над памятниками домонгольской поры велись в Ростове, в Твери, в Звенигороде и т. д. Полоса этих реставраций тянулась вплоть до Ивана III, когда итальянский зодчий Аристотель Фиораванти построил центральную святыню нового русского государства — Успенский собор Московского кремля — по образцу владимирского Успенского собора 1158 года.

Тот же интерес к произведениям домонгольского периода характеризует и русскую книжность. Составлялись новые и вновь редактировались старые переводы произведений, известных еще с XI—XII веков; во

множестве создавались новые исторические сказания и повести, главным образом касающиеся борьбы с татарами. В течение всего XV века мы встречаем усиленное подражание литературным произведениям эпохи независимости. Чрезвычайно показательным в этом отношении лучшее из произведений XV века о Куликовской битве — «Задонщина», составленная в литературной манере величайшего произведения домонгольского периода — «Слова о полку Игореве». «Задонщина» возродила не только стилистическую манеру «Слова»: она применила самые идеи «Слова» о борьбе со степью к современной ей действительности и имела колоссальное агитационное значение в борьбе русского народа с татаро-монгольским игом.

Итак, в конце XIV и в XV веке мы видим в Москве чрезвычайный рост интереса к русской истории, своеобразный культ эпохи национальной независимости, идеализацию киевской старины. Отсюда новая для конца XIV — начала XV века точка зрения на татар, как на тех же половцев. Отсюда взгляд на события современности через призму событий Киевского периода. Отсюда естественное на первых порах стремление судить обо всем «по старине и по пошлине» — на основе традиций эпохи национальной независимости.

Москва явилась всесторонней собирательницей русского исторического предания, объединительницей местных летописей в обширных сводах. Москва не противопоставляла себя другим русским областям, не замыкалась в узких пределах только своего исторического предания. Это идейное собрание всего исторического прошлого русского народа на основе идеализации Киевского периода — периода национальной независимости — опережало реальный процесс собирания русских земель вокруг Москвы.

2

Объединительная политика Москвы встретила чрезвычайно сильное сопротивление новгородского боярства, опасавшегося потерять свои обширные земельные владения, и крупного новгородского купечества, опасавшегося конкуренции Москвы в торговле с Западом. Новгородское государство все более и более становилось в русской жизни реакционной силой, сопротивлявшейся объединительной политике московских великих князей. Новгородское ушкуйничество нарушало московскую торговлю на севере и северо-востоке; беспокойная новгородская политика прозвучала постоянными неожиданностями. Однако в самом Новгороде, как и в других русских

¹ См. проф. Н. Н. Воронин «Владими́ро-суздальское наследие в русском зодчестве». Журнал «Архитектура СССР» № 2 за 1940 год; см. также И. Э. Грабарь «Андрей Рублев». «Вопросы реставрации». Вып. 1-й, стр. 65 и сл. О росписях Успенского собора см. там же, стр. 22—33.

областях, увеличивалось «...в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья»¹.

Демократические низы Новгорода явно тяготели к Москве, к сильной великокняжеской власти, в которой надеялись найти опору против боярства. В разное время сторонники подчинения Москве находили себе в Новгороде путь к власти, но в полной мере ни партия новгородских сепаратистов (так называемая литовская), ни партия сторонников Москвы не смогли возобладать на зыбкой почве новгородского «народоправства».

Конец XIV столетия характеризуется крайним обострением борьбы Москвы с Новгородом. Эта борьба стала особенно напряженной в 90-х годах XIV столетия, в связи с отказом новгородцев выезжать на суд к московскому митрополиту. По старому, испытанному еще в XII столетии пути новгородское боярство посылало послов с жалобой в Константинополь, угрожало Москве переходом в латинство, клялось на вече не судиться у митрополита. Только после того, как войска великого князя захватили Торжок и начали опустошать новгородские волости, новгородцы изъявили покорность.

Новый перевес дало новгородской литовской партии замешательство в церковных делах первой половины XV века, приведшее к образованию двух враждебных митрополий: Московской и Киевской. Оно позволило новгородскому боярству вести двойную политику и постоянно добиваться от Москвы уступок угрозами подчиниться киевскому митрополиту. С этой поры церковный вопрос в Новгороде приобрел первостепенное политическое значение. Пользуясь смутой в церковных делах, архиепископ Евфимий II получил «поставление» в Смоленске у киевского митрополита Герасима, и это дало Новгороду независимость от московской церкви. В Новгороде приобрели значительную силу антимосковские настроения. Архиепископ Евфимий II активно способствовал западному влиянию и оказывал покровительство иностранцам. «От странных же или чуждых стран приходящих всех любовию примаше, всех упокоиваше, всех

по достоинству миловаше», — говорит о нем Пахомий Серб. Показателем новгородской политики служит то, что в Новгороде находили убежище противники московского великого князя — Дмитрий Шемяка и Василий Гребенка.

Новгородское боярство обращалось к прошлому Великого Новгорода, чтобы в нем найти опору в борьбе против Москвы. Так же как и в Москве, это обращение к прошлому сказалось в усиленном развитии летописания, в целом ряде реставрационных работ, в попытках оживить историческое предание, связанное с героическими страницами в жизни родного города. Во второй четверти XV века началась беспокойная строительная деятельность архиепископа Евфимия II. Евфимий II обстроил новыми зданиями владычный двор Детинца, строил на Софийской и Торговой сторонах, строил в Старой Руссе, в Вяжицах, в Хутыне и т. д. Ко времени Евфимия II относятся здания светского и промышленного назначения, церкви и правительственные палаты.

Особое место в строительной деятельности Евфимия II занимало возрождение новгородских архитектурных форм XII века. В 1454 году Евфимий реставрировал церковь Ивана на Опоках, первоначальной постройки 1127—1130 годов. В 1455 году он строил «на старой основе» церковь Ильи на Славне, первоначальное здание которой относилось к 1198—1202 годам. В 1442 году «на старой основе» 1198 года ставил Преображенский собор в Старой Руссе. На «старой же основе» XII века восстанавливались церкви Бориса и Глеба (в 1445 году), Жен-мироносиц (в 1445 году), Богородицы на Төргу (в 1458 году) и др.² Евфимий II возродил строительные приемы монументальной архитектуры XII века, напомиравшие своими выразительными и внушительными формами о былом величии Новгорода. Разнообразной строительной деятельностью Евфимия восхищался Пахомий Серб, в восторженных выражениях описавший выстроенные Евфимием храмы Детинца, которые «яко звезды или горы» стоят вокруг Софии.

Массовое восстановление Евфимием II старых церквей XII века связано с одновременным установлением культа «преждеотшедших» новгородских архиепископов, с возрождением летописного дела, созданием цикла литературных произведений вокруг новгородского архиепископа Иоанна, при котором новгородцы в 1170 году отбили от стен Новгорода войска северо-восточных княжеств. Около 1432 года был составлен обширный летописный свод —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 443.

² См. Ю. Н. Дмитриев «К истории новгородской архитектуры». «Новгородский исторический сборник». Вып. 2-й. Л. 1937.

Деталь иконы XV века «Битва суздальцев с новгородцами», иллюстрирующей легенду о «чудесном» спасении Новгорода.

«Софийский Временник», который должен был дать новую историческую концепцию, поставив в центр русской истории историю Великого Новгорода. Однако вскоре после составления «Софийского Временника» в Новгороде стал ясен и его основной недостаток, не позволявший ему конкурировать с обширными московскими летописными сводами начала XV века. В то время как московское летописание было в подлинном смысле этого слова общерусским, объединяло в своем составе известия самых разнообразных областей и освещало историю всего русского народа в целом, новгородский «Софийский Временник» по составу своих известий оставался все же летописью узко новгородской. Поэтому при том же Евфимии II в 1448 году в Новгороде было предпринято составление нового летописного свода.

Свод 1448 года был первым новгородским сводом с ярко выраженным общерусским характером. Это далеко уже не узкая, местная летопись, редко выходящая за пределы родного города, какой была новгородская летопись в предшествующие столетия. Свод 1448 года описывает судьбы русского народа в целом, хотя преимущество попрежнему отдает Новгороду и в нем видит, очевидно, центр событий русской истории. Характерно, что в основном этот общерусский характер свод 1448 года получает в результате заимствования известий из Московского летописного свода Фотия 1418—1423 годов. Стремясь создать свою историческую и политическую концепцию, противостоящую московской, Новгород все же опирался на Москву и на ее книжность. Характерно также, что в противоположность московским летописцам конца

XIV—начала XV века, нередко оценивавшим события с точки зрения демократических слоев населения, составитель свода 1448 года во многих случаях проявил себя как представитель интересов боярской партии — владычного двора. Он с осуждением отнесся к черному люду — к «голодникам», «ябедникам»¹ — и к городским волнениям. На основе свода 1448 года в Новгороде составлялся еще ряд летописей.

Со времени составления «Повести временных лет» работа исторической мысли никогда не была еще так интенсивна. Летописные своды с чрезвычайной последовательностью следовали один за другим, но самостоятельной новгородской исторической концепции подобно московской все же не получилось. Содержание новгородских летописей осталось таким же противоречивым, как противоречива была и сама новгородская жизнь².

3

В 1436 году в церкви Усекновения главы в Новгородском Детинце упавший сверху камень пробил «велию скважину», в которой обнаружилось «нетленное» тело неизвестного святого. Известили Евфимия. Евфимий, «убедившись» в нетленности мощей, начал молить бога: «да явит имя, кто есть». В ту же ночь «явился» Евфимию архиепископ Иоанн, открылся,

¹ Новгородская IV летопись. П. С. Р. Л. Т. IV. Ч. 1-я. Вып. 2-й, стр. 444. Л. 1925.

² Подробнее о новгородских летописных сводах XV века см. А. А. Шахматов «Общерусские летописные своды XIV и XV веков». «Журнал Министерства народного просвещения». 1900. Т. IX, стр. 90 и сл.

что мощи принадлежат ему, и велел «праздновать себя» каждое 4 октября. Иоанн (1163—1186) — первый официальный новгородский архиепископ. Он был известен в Новгороде главным образом как лицо, при котором в 1170 году произошло «чудесное» спасение города от подступивших к нему войск северовосточных княжеств, отождествлявшихся в XV веке в Новгороде с Москвой. Само собой разумеется, что открытые так кстади упавшим камнем мощи Иоанна были торжественно водворены в Софийский собор, и почитание этого новоявленного святого приобрело формы почти политической демонстрации. Вокруг архиепископа Иоанна и «чуда» спасения Новгорода от войск суздальцев возник цикл легенд — своего рода культ новгородской независимости.

Основание культа новгородских святых и возвеличение новгородского прошлого несколько позднее было подкреплено и другой легендой. Под 1439 годом летопись сохранила сказание пономаря Аарона¹. В одну из ночей пономарь Аарон увидел, как в церковь Софии «прежними дверми» (очевидно, теми, которыми перестали пользоваться) вошли все «преждеотшедшие» новгородские архиепископы, молились в алтаре и перед иконою Корсунской божией матери. Пономарь рассказал о своем видении Евфимию, и тот, «бысть радостен о таком явлении», повелел служить панихиду по всем новгородским архиепископам, а затем установил и более регулярное чествование своих предшественников.

Выходило так, что не Евфимий II насаждал почитание новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое напоминало о себе. «Преждеотшедшие» архиепископы молились за Новгород, объявляли свои мощи и т. д. Новгородская боярская партия настойчиво искала в новгородском прошлом опоры для своих притязаний на независимость и отъединенность Новгорода от Москвы.

С архиепископом Иоанном был связан целый ряд легенд и сказаний. Центральная легенда цикла архиепископа Иоанна — легенда о чудесном спасении Новгорода во время осады суздальцев 1170 года. Во второй четверти XV века Евфимий II пригласил с Афона знаменитого ритора Пахомия Серба и заказал ему литературное изложение этого «чуда». Простую и непосредственную новгородскую легенду Пахомий «удобрил» витиеватым красноречием, придав ей необходимую пышность и назидательность, усилив элемент чудесности. Заканчивалось описание «чуда» спасения Новгорода от войск северовосточных кня-

жеств в изложении Пахомия молитвой, трафаретные заключительные строки которой должны были звучать особенно остро в политической обстановке половины XV века: молитва завершалась прошением об избавлении «града нашего» (т. е. Новгорода) «от глада, губительства, труса и потопа и нашествия иноплемеников»² (под последними подразумевались москвичи). В этот первый свой приезд в Новгород Пахомий написал кроме того службу новгородскому святому Варлааму Хутынскому, похвальное слово ему же и житие Варлаама. Культ новгородских святых обставлялся, таким образом, как видим, необходимой пышностью. Такое торжественное восстановление авторитета родной старины было для XV века делом небывалым.

4

К концу 50-х годов XV века в результате победы московского великого князя над новгородским ополчением и заключения невыгодного для новгородского боярства мира перевес Москвы настолько определился, что представителям боярской партии в Новгороде приходилось думать уже о политике отсрочки, по существу, неизбежного конца новгородской независимости. Росло и сочувствие демократических слоев населения Новгорода Москве. Роль заступника и постоянного ходатая за Новгород перед московским великим князем принадлежала избранному после смерти Евфимия II архиепископу Ионе, искусно лавировавшему между крайностями литовской боярской партии и энергичным натиском Москвы.

Иона ознаменовал свое архиепископство целым рядом предприятий, клонившихся к закреплению мирных отношений с Москвой. Характерно, что, по позднейшей легенде, Ионе было в детстве предсказано архиепископство открытым сторонником московского великого князя — Михаилом Клопским. В житии Ионы отмечено, что «Московьстий князи много любяху его и со благоговением почитаху, и писания множицею посълаху к нему и от него въсписания желанно приимаху»³. Иона установил в Новгороде культ московского святого — Сергия Радонежского, — выстроил ему церковь (1463 год), ездил в Москву, где слезно заступался за новгородцев перед великим князем.

При Ионе вторично прибыл в Новгород Пахомий Серб. Иона, как и Евфи-

² В. Яблонский «Пахомий Серб и его агиографические писания», стр. 100. СПб. 1908.

³ «Памятники старинной русской литературы», издаваемые Г. Купчеловым-Безбородко». Вып. 4-й, 2-й, стр. 30. 1862.

мий II, заказал Пахомию различные церковные службы, но при этом наряду со службами новгородским святым заботился и о службах святым, имевшим общерусское значение. Особенный интерес имеет заказанное Ионой Пахомию «Сказание о чуде преподобного Варлаама Хутынского» (1460 год). «Чудо» это, случившееся в первый же год архиепископства Ионы, весьма симптоматично. Во время приезда в Новгород московского великого князя Василия Васильевича умер его постельничий Григорий Тумган. Привезенный к гробу новгородского святого Варлаама постельничий «воскрес». Так же как и открытие мощей архиепископа Иоанна при Евфимии II, инсценировка воскрешения постельничего московского великого князя у гроба новгородского святого не была случайной: новое «чудо» знаменовало собою временный перелом в новгородской политике и стояло в связи с новгородской дипломатией, пытавшейся расположить к Новгороду великого князя. Заказывая описание этого «чуда», Иона имел в виду внушить московскому великому князю уважение к новгородским святым, примирить его с Новгородом. Предназначенное для такой цели сказание написано в духе московских взглядов. Оно именует Василия Васильевича «благочестивым и благоверным, великим князем володимерским и московским и новгородским и всея Руси», а Новгород — вотчиной московского князя. Впоследствии, когда отношения Новгорода с Москвою вновь обострились, послушный исполнитель воли своих заказчиков Пахомий Серб переделал свое произведение согласно с требованиями момента: пышное титулование московского великого князя было заменено более простым: «благочестивый великий князь», — а место, в котором говорилось о Новгороде как о вотчине великого князя, было опущено.

К эпохе усиления московских тенденций в Новгороде в самой середине XV века относится житие яркого представителя московской демократической партии в Новгороде — Михаила Клопского. Москвич по происхождению, родственник московских великих князей, Михаил избрал местом своего монашеского пребывания небогатый новгородский Клопский монастырь, игумена которого Феодосия низы новгородского населения одно время даже избрали в архиепископы¹. Житие обильно эпизодами

враждебного отношения монастыря к посадникам, к укрывавшемуся в Новгороде неудачному конкуренту московского великого князя Дмитрию Шемяке и вместе с тем в отличие от велеречивых и витийственных произведений Пахомия, выполнявшего заказы боярской партии, носит демократический, просторечный характер со следами влияния фольклора. Ни имени автора, ни имени заказчика (если он только был) этого популярного жития не сохранилось. «Чудеса» — эпизоды, из которых соткано житие Михаила Клопского, — представляют собою самостоятельные рассказы легендарно-сказочного, а порою и жизненно-реального характера, заставляющего предполагать, что они сложились первоначально в устной традиции и лишь затем только были обработаны в форме книжного повествования.

Черты реальности живо переданы и в эпизоде о раздоре монастыря с посадником Григорием Кирилловичем. Посадник Григорий явился однажды в монастырь к обедне и, удержав игумена, когда тот собирался уходить из церкви, заявил ему «таково слово»: «Не пускай ни коней, ни коров на жары (поля под паром), — то земля моя ни по реки по веряжи ни по болотом ни подвором моим не ловити. А почнете ловити и наз ловыцам вашим велю ноги и руки перебити»². Вмешался Михаил и сказал посаднику: «Будеши без рук и без ног, мало в воде не утонешти»³. Когда затем ловцы волокли тоню, посадник «пошел к ним к реки да и в реку за ними сам сугнаив, да ударил рукою да хотел другой ряд так мимо ударил да пал в воду, мало не утонуи»⁴. Посадника вытащили из воды с парализованными руками и ногами. Все, следовательно, случилось по слову Михаила.

В этих эпизодах раскрывается характер этого оригинального представителя московской партии в Новгороде. Он умен, строг, не боится посадников и князей, говорит правду в лицо, резок, практичен и по-своему остроумен. В «чудесах» святого нет элементов мистической экзальтации. «Чудесные» деяния его осуществляются не вследствие молитвенной связи с богом, а по типу исполнения желаний героев сказок. Противнику московского великого князя князю Константину Дмитриевичу, отправившемуся в Москву добывать себе силой великокняжеский стол, не сочувствовав-

надлежит составителю жизнеописания архиепископа Ионы» (стр. 74). Этот составитель писал в середине XVI столетия.

² И. С. Некрасов «Зарождение национальной литературы в Северной Руси». Ч. 1-я, стр. 5. Одесса, 1870. Приложения.

³ Там же.

⁴ Там же.

¹ Прибавление к имени Михаила Клопского эпитета «юродивый», «блаженный» является, повидимому, позднейшей интерполяцией. В исследовании И. С. Некрасова (см. след. сноску) есть справедливое предположение о том, что «прибавление имени юродивого при-

ший ему Михаил предрек скорую смерть. «Земля вопиет», — повторяет он ему несколько раз. Новгородскому посаднику Григорию, оказавшемуся парализованным в наказание за покушение на монастырские ловли и просившему святого помолиться за него, Михаил раздраженно отвечает: «Молим бога о всем миру не токмо о Григории. Поездишь по монастырем, попросишь у бога милости»¹.

Во всех этих эпизодах-«чудесах» Михаил действует не под влиянием мистической экзальтации, а как политик, сильный и практичный человек. Михаил защищает экономические интересы монастыря, придерживается демократической московской партии. Находясь в оппозиции к официальной новгородской церкви, Михаил только случайно не был, очевидно, причислен к еретикам, каких много было в Новгороде в конце XIV и в течение всего XV века. Само собой разумеется, что идеологические позиции московской партии в Новгороде до его присоединения к Москве не могли получить серьезного отражения в книжности, и житие Михаила Клопского остается в этом отношении памятником исключительным.

5

В эпоху походов Ивана III на Новгород новгородское летописание утратило свою организованность и систематичность. Летопись велась по инициативе представителей обеих враждующих партий, дополнявших и расширявших списки, начатые их предшественниками. В этих дополнениях нет единства между отдельными летописцами ни в политических взглядах, ни в круге отмечаемых ими событий, ни в стиле и манере изложения. Летописцы то ограничивались одними лишь новгородскими событиями, то вводили сведения общерусского значения; иногда эти известия кратки и сдержанны, но иногда же речисты и витийственны. Те части Новгородской летописи, которые отличаются традиционным новгородским лаконизмом стиля, лишены, однако, чеканности летописного языка XII—XIII веков. Летописец терял присущее ему спокойствие тона, как только подходил к предметам, близко касавшимся его политических убеждений, и раздражался в этом случае многословными тирадами против своих политических врагов всюду, где находил это возможным. Летописец, дополнивший один из списков Новгородской IV летописи (Строевского), так отчитал сторонника московского великого князя — Упадыша, забившего железом 5 пушек при приближении к Новгороду московского войска: «Како не востре-

пета, зло мысля на Великии Новгород, не сытыи лукавства? на мзды ли предаши врагом Новгород, о Упадыше, сладкого брашна вкусил в Великом Новгороде? О, колика блага не памятив, недостаточное ума достигл еси!.. Уне бы ты, Упадыше, аще не был бы во утробе матернии: не бы был наречен предатель Новуграду...»² и т. д. Не на одного Упадыша сетует летописец. Он осуждает «владычнь стяг» (полк новгородского архиепископа), который не хотел ударить на московскую княжью рать, ссылаясь на то, что «владыка нам не велел на великого князя руки подынуть». Осуждает летописец и тех новгородцев, которые перед битвой с москвичами «вопили» на «больших людей», не желая сражаться: «Яз человек молодый, испротеряхся конем и доспехом»³.

«И бысть в Новегороди молва велика, и мятежь мног, и многа лжа неприазнена, сторожа многа по граду и по каменным кострам (башням. — Д. Л.) на переманах день и ношь. И разделишася людие: инии хотяху за князя (московского. — Д. Л.), а инии за короля за Литовьского»⁴, — так описывает летописец волнения, порожденные поражением новгородского войска на Шелони.

Иной характер носили дополнения Новгородской IV летописи по списку Дубровского. Помимо обилия в них московских и общерусских известий список включил в свой состав такие направленные против новгородской независимости произведения, как «Словеса избранна от святых писаний»⁵ на новгородцев, «Послание митрополичье»⁶ против них же, московский рассказ о присоединении Новгорода с резкими выпадами против новгородцев и характерным заключительным проклятием новгородским «смутьянам»: «И та земская их беда и вся людцкая кровь да будет избысканна от бога вседержителя, по писанному: господи! зачинающих рать поруби. И то все на тех главах на изменных и на их душах, в сем веце и в будущем, аминь»⁷.

Утомленные постоянными феодальными раздорами и шаткостью новгородской политики, многие новгородцы с надеждою смотрели на Москву; лишение Новгорода его исконной свободы воспринималось частью населения как наказание новгородцам за грехи. В связи с этим составлялись задним числом легенды о предсказаниях

² П. С. Р. Л. Т. IV. Ч. 1-я. Вып. 2-й, стр. 448. Л. 1925.

³ Там же, стр. 446.

⁴ Там же, стр. 447.

⁵ Там же, стр. 498.

⁶ Там же, стр. 504.

⁷ Там же, стр. 513.

¹ И. С. Некрасов. Цит. Соч., стр. 6.

Пантократор XI века в куполе новгородской Софии, с которым связана легенда, появившаяся в XV веке, о судьбе Новгорода.

конца новгородской независимости. В Новгороде в атмосфере обреченности, усугублявшейся еще ожиданием конца мира в 7000 (1492) году, в период новгородских походов Ивана III, множились грозные «знамения». С падением Новгорода многие из таких «знамений» задним числом истолковывались как предвестники поражения новгородцев на Шелони и конца новгородской независимости. Так например к известию 1435 года о падении только что отстроенной церкви позднейший летописец дал такое примечание: «И се знамение покажется, яко хощет власть Новгородских посадник и тысяцких и всех бояр и всея земли новгородские разрушиться»¹. Постепенно эти мелкие «знамения» превращались в многочисленные и пространные легенды, связанные с концом новгородской воли. «В нашей истории, — говорит В. Ключевский, — не много эпох, которые были бы окружены таким роем поэтических сказаний, как падение новгородской вольности. Кажалось, «господин Великий Новгород», чувствуя, что слабеет его жизненный пульс, перенес свои думы с Ярославова двора, где замолкал его голос, на св. Софию и другие местные святыни, вызывая из них предания старины»².

Легенды о падении Новгорода отразились в житиях новгородских святых. Житие соловецкого святого Зосимы, составленное

Досифеем в начале XVI века, рассказывает, как Зосима отправился в Новгород просить управы на притеснявших его скит местных жителей и слуг бояр — владельцев Соловецких островов. В Новгороде Зосима побывал у архиепископа и у бояр, и все милостиво приняли его, кроме одной Марфы Борецкой — владелицы острова, на котором жил Зосима. Марфа велела отогнать Зосиму от своего дома. Зосима, «главою позыбав», пророчески сказал своим ученикам:

«Се дние грядут, иже дому сего жителie не изследят стопами своими двора сего и затворятся двери дома сего и к тому же отверзутся, и будет дом их пуст»³. Однако расположенный к Зосиме архиепископ Феофил заставил все же Марфу пригласить Зосиму к себе. На пиру, сидя на почетном месте, Зосима, по обычаю своему, мало ел. Взглянув на гостей (Марфа пригласила к себе шесть новгородских бояр), Зосима вдруг увидел их без голов. Взглянув еще и еще раз и убедившись, что видение не проходит, и поняв его значение, Зосима вздохнул и прослезился. После обеда ученик Зосимы Даниил спросил его о причине слез. Зосима объяснил: шесть бояр, виденных им без голов, будут современем обезглавлены. Пророчество Зосимы, рассказывает житие, сбылось: Иван III, заняв Новгород, велел казнить бояр, которых Зосима видел безголовыми.

Поздние новгородские летописи включили в свой состав под 1045 годом легенду об изображении вседержителя в куполе Софийского собора. Легенда рассказывает, как, устроив церковь, приступили к росписям и царьградские иконописцы начали «подписывать во главе» (в куполе) образ вседержителя с благословляющею рукою. Наутро, однако, епископ Лука увидел, что образ написан без благословляющей руки. Три раза переписывали иконописцы образ, и каждый раз рука наутро оказывалась сжатою. На четвертое утро услышали иконописцы голос, исходящий от написанного ими изображения: «Писари, писари, о писари! не пишете мя благословляющею рукою (напишите мя сжатою рукою), аз бо в сей руке моей сей Великий Новыград держу; а когда сия (рука) моя распространится, тогда будет граду сему скончание»⁴. Реально происхождение этой легенды можно объяснить тем, что греческие иконописцы, расписывавшие Со-

¹ Ср. также Новгородскую III летопись. «Новгородские летописи», стр. 307. СПб. 1879.

² В. О. Ключевский «Древне-русские жития святых как исторический источник», стр. 162. М. 1871.

³ Ф. Буслаев «Исторические источники русской народной словесности и искусства». Т. II, стр. 270. СПб. 1861.

⁴ См. Новгородскую III летопись. «Новгородские летописи», стр. 181—182. СПб. 1879.

фию еще в XII веке, написали вседержителя с рукою, благословляющею греческим троеперстием, вместо привычного новгородцам русского двоеперстия. Рука на изображении была, таким образом, не благословляющею, но она не была и «сжатою». Последняя деталь чрезвычайно существенна, и она-то именно и раскрывает конечный смысл легенды: рука полураскрыта, а не сжата, как раньше, при написании образа; следовательно, «скончание» Новгороду близится. Переписывая в летопись известие о сжатой руке вседержителя под 1045 годом, летописец хотел поразить воображение новгородского читателя, который всегда мог сопоставить летописный рассказ с хорошо знакомым ему изображением «разжимающейся» руки в церкви Софии.

Помимо легенд, сочувственно изображавших новгородскую независимость и с грустью рассказывавших о ее уничтожении, имелись легенды, в которых «власть новгородских посадник и тысяцких и всех бояр» рассматривалась с позиций сторонников Москвы. Такова, например, легенда о Перуне, заключающая в себе явную насмешку над политическими правами Новгорода, над его усобицами и драками на Волховском мосту. Легенда эта, обычно помещаемая в начале поздних новгородских летописей¹, рассказывает, как первый новгородский епископ Иоаким «требища разори», сверг статую Перуна, стоявшую недалеко от Новгорода, в местечке Перынь, и велел бросить ее в Волхов. Плывая под Волховским великим мостом, Перун, в которого вошел бес, «верже палицу свою на мост, ею же безумнии убивающиеся утеху творять бесом».

К числу легенд, в которых ощущается несочувственное отношение к новгородским порядкам эпохи независимости, принадлежит и сказание о построении варяжской божницы в Новгороде. В сказании этом любопытно то, что времена мирного процветания Новгорода и его свободы связываются с тем далеким прошлым, когда Новгород признавал власть «госпопы нашей великих князей русских»². Но уже и тогда, как рассказывает легенда, посадники злоупотребляли своею властью, за посул готовы были изменить православной вере и разрешили построить в Новгороде варяжскую божницу.

Итак, рассматривая легенды о конце Новгорода, нельзя не заметить, что некоторые из них сочувственно, а другие

София новгородская. 1045—1052 годы.

несочувственно изображали это событие. Факт этого разделения новгородской литературы объясняется продолжавшейся в Новгороде борьбой двух политических партий: демократической московской и боярской литовской.

6

В противоположность узости новгородских местных традиций Москва во второй половине XV века еще больше чем в начале XV века стремилась к культурному объединению русских областей. В грандиозной строительной деятельности Москвы участвовали мастера из Пскова, Новгорода, Владимиро-Суздальского княжества. Оба прибывших в Москву итальянских архитектора — знаменитый зодчий Северной Италии Аристотель Фиораванти и миланец Алевиз Новый — подпали в Москве под мощное влияние русского искусства и сохранили в своих постройках лишь немногие новые для Руси архитектурные приемы. В выстроенном Аристотелем Фиораванти Успенском соборе в Москве (1475—1479 годы) были развиты формы предшествовавшей ему русской архитектуры. Прежде чем приступить к постройке Успенского собора, Аристотель совершил обширное путешествие по русским городам. В Успенском кремлевском соборе Аристотеля сильно отразилось воздействие архитектуры Успенского собора во Владимире и, что особенно интересно, церкви Софии в Новгороде. В 1490 году мастера-псковичи построили в Московском кремле Благовещенский собор.

Особенное значение в культурно-объединительных тенденциях Москвы имела постройка стен и башен Московского кремля в конце XV века на месте обветшалых

¹ См. Новгородскую IV летопись под 989 годом. П. С. Р. Л. Т. IV. Ч. 1-я. Вып. 1-й, стр. 90—91.

² «Памятники старинной русской литературы, издаваемые Кушелевым-Безбородко». Вып. 1-й, стр. 251. П. 1860.

Успенский собор в Москве. 1475—1479 годы.

укреплений Дмитрия Донского. Стены были построены по последнему слову фортификационного искусства, сделавшего в XV веке большой шаг вперед в связи с развитием огнестрельного оружия. Были устроены рвы, пруды для воды, тайники, двойные и тройные стены, подъемные мосты. Вооружение состояло из многочисленной артиллерии, в которой имелись и громадные бомбарды, не уступавшие отлитой в 1488 году «царь-пушке». В XV веке Московский кремль был сильнейшей крепостью Европы, уступая лишь Миланскому замку, законченному постройкой в 1459 году. Замечательно при этом, что Московский кремль стал образцом для крепостного строительства русских городов. Черты Московского кремля отразились в стенах Нижегородского кремля, в укреплениях Серпухова, Тулы, Зарайска и многих других. Москва не только объединила в себе строительные традиции отдельных областей, но в свою очередь оказала обратное воздействие на искусство периферии.

Растущая пышность всего уклада московской жизни конца XV века и грандиозные обобщающие тенденции Москвы неразрывно связаны с присущим Москве сознанием своей исторической роли, как объединительницы всей русской земли.

Иван III, женившись на последней представительнице византийского императорского дома — Софии Палеолог, — мечтал о своем праве на преемство византийской царственной власти и окружил себя византийскою пышностью.

Во второй половине XV века в Россию были перенесены византийские теории им-

ператорской власти. Византийское государство всегда рассматривалось византийскими политиками как вторая Римская империя, а подданные византийского императора официально именовались «ромеями» (т. е. римлянами). С падением Константинополя (1453 год) почти одновременно в Твери и в Москве возникла мысль о преемстве царской власти из Византии, возникла теория третьего Рима, каким должна была стать Россия. Теория эта получила окончательное развитие в XVI веке, но уже в конце XV века основные тенденции ее оказали сильнейшее влияние на политику Москвы. Это был дальнейший этап развития идеи единства Руси. Через идею преемственной связи византийских императоров и московских великих князей последние все энергичнее обосновывали свои притязания на отдельные русские области и, в частности, на Новгород.

Ни один из московских походов ни в прошлом, ни впоследствии не был обставлен такой усиленной пропагандой, таким обилием всяческих посланий, как новгородские походы Ивана III. Идеологическое состязание Новгорода и Москвы достигло в 70—80-х годах XV века особенной напряженности. Везя в обозе своих войск летописи и книжники, умевших «говорить по летописцам русским» (новгородца Стефана Боролатого)¹, Иван III готовился к сложной идеологической борьбе с Новгородом.

Московские порядки были введены в Новгороде в 1478 году, после вторичного похода, которому Иван III придал характер защиты русских интересов от изменников — новгородских бояр. Этот поход Ивана III был обставлен с чрезвычайной пышностью. Уничтожение новгородской независимости рассматривалось не как завоевание, а как воссоединение исконных русских земель под державой «боговенчанного монарха всея Руси». Наступая на Новгород, Иван III явно не спешил, принимал по дороге перебежчиков и затягивал переговоры, очевидно, выжилая, чтобы московские интересы сами взяли верх в Новгороде. К этому у него были веские основания: так называемая литовская боярская партия, составлявшая крайнее меньшинство, орудовала в Новгороде путем подкупов и террора, которые переставали действовать при одном приближении громадного войска великого князя. Чем ближе подступала к Новгороду московская рать, тем больше перебежало к ней новгородцев, обещавших служить великому князю верою и правдою.

Военные действия против Новгорода, а затем борьба в Новгороде с остатками бо-

¹ См. Софийскую II летопись под 1471 годом.

ярско-литовской партии внесли ненадолго черты озлобления и полемичности в московские литературные произведения, направленные против новгородцев. Первым выступлением на новгородской почве природного москвича (из переселенных или переведенных в Новгород служилых) было пространное произведение, включенное затем в состав Новгородской летописи: «Словеса избранна от святых писанин» на новгородцев¹. «Словеса» составлены в резком антиновгородском тоне: «мужие новгородци» сравниваются в них со всеми злодеями Ветхого и Нового завета. С озлоблением осуждается в «Словесах» «неукротимая мудрость» новгородцев, которые «лукавством мысли возгордевшися». Марфа Борецкая характеризуется как «окаянная злая аспида: ни бога боится, ни человек сражается». В «Словесах» проводится мысль о божественном характере княжеской власти, а Новгород называется в них государственной отчиной. В «Словесах» чувствуются внятные отголоски современности и принадлежат они, очевидно, перу какого-нибудь из сопровождавших московское войско великокняжеских чиновников.

Крутая политика первого назначенного Московью новгородского архиепископа — Сергия — вызвала в Новгороде ожесточенное сопротивление. Летописи с сепаратистской окраской (и новгородский Трифолопион) включили в свой состав легенду о посрамлении Сергия новгородским святым Моисеем². Легенда рассказывает, как Сергия, проезжавшему мимо монастыря Михаила, один из священников указал на гроб святителя Моисея, строителя монастыря. «Он же (Сергий), возрев на священника», велел ему открыть гроб. Священник возразил: «Подобает святителю святителя скрывать». «Слышав то Сергий вознесся умом высоты ради сана своего и яко от Москвы прииде», с гордостью ответил: «Кого сего смердовича и смогрети?» С этого момента бог наказал Сергия: он впал в «изумление» (сошел с ума). Иногда видели его сидящим без мантии «в одной ряске», на «Евфимиевской паперти» (т. е. на крыльце единостолпной палаты, где собирался Совет господ и совершался владычный суд) или в полдень у храма Софии. Вскоре Сергия удалили в Троице-Сергиев монастырь. Легенда о Сергии проникла и во вторую Псковскую летопись, где сохранилась с некоторыми подробностями, отсутствующими в новгородских летописях, цензуравшихся москвичами.

¹ Новгородская IV летопись. П. С. Р. Л. Т. IV. Ч. 1-я. Выд. 1-й, стр. 498—504. 1915.

² Ср., например, Новгородскую третью летопись. «Новгородские летописи», стр. 309—310. СПб. 1879.

Сергий, по псковскому варианту, пришел в Новгород «с Москвы от великого князя Ивана Васильевича из его руже... и многы игумены и попы испрошаде, и многы новыя пошпины введе». Сергий, следовательно, возбудил против себя недовольство и тем еще, что вводил новые административные порядки. В той же летописи рассказывается, что Сергия стали посещать во сне и наяву предшествовавшие ему новгородские архиепископы, культ которых, как мы видели, был введен незадолго до покорения Новгорода, и укоряли его за «безумное дерзнутие» — узурпацию архиепископского престола. Любопытно, что московский летописец, сообщая об этом же событии, не преминул обвинить новгородцев в том, что они «волшебством испортили владыку».

Идея святости новгородской старины, которая якобы сама защищает себя от «безумных дерзнутий» москвичей, отразилась и в другой легенде, включенной в качестве одного из «чудес» в житие Варлаама Хутынского. Так же как и Сергий, проезжая мимо Хутынского монастыря, Иван III потребовал открыть ему мощи Варлаама, но испешший из-под пола огонь опалил трость Ивана, которую он пытался помочь вскрывавшим, и заставил его бежать от раки Варлаама. Каждый раз, как Иван III ударял тростью о пол церкви, она высекала огонь. Иван бросил трость и в паническом страхе бежал из монастыря³.

Третья легенда, связанная с тою же идеей неприступной святости Новгорода, переносит действие ко времени расцвета новгородского могущества в XIV веке. Шведский король Магнус — неудачливый инициатор крестового похода на Новгород — оставил, по легенде, «рукописание», в котором отговаривал своих потомков и наследников от походов на Новгород и Русь. Магнус перечисляет неудачные походы своих соотечественников, начиная с Биргера, в которых «не пособлялось» им на Русь. Магнус вспоминает, как у него самого отнял бог ум за поход на Новгород, как он сидел «в изумлении» прикован на цепи и заделан в палате⁴. Во второй половине XVI века звенигородский князь Юрий Иванович Токмоков составил повесть о выпусковой иконе богородицы⁵ на основании

³ Новгородская III летопись. «Новгородские летописи», стр. 305—307. СПб. 1879.

⁴ Новгородская IV летопись. П. С. Р. Л. Т. IV. Ч. 1-я. Выд. 1-й, стр. 281—282. 1915.

⁵ См. «Памятники старинной русской литературы, издаваемые Кушелевым-Безбородко». Вып. 4-й, стр. 180—184. П. 1862.

легенд аналогичного характера о неприступных святых Новгорода; возникновение ее относится также к концу XV века.

Так, идея защиты новгородской независимости и величия новгородского прошлого после завоевания Новгорода Москвой сменилась идеей божественной неприступности его святых. Новгородские сепаратистские настроения принимали церковную окраску. Идейное сопротивление Новгорода Москве, начавшееся в первой половине XV века таким торжественным восстановлением авторитетов родной старины, постепенно слабело и становилось все более узким, церковным.

7

Присоединение Новгорода к Москве не сопровождалось стремлением к разрушению его культурных ценностей. Уничтожая новгородскую независимость, москвичи не считали себя завоевателями, точно так же как и представители московской партии в Новгороде не рассматривали себя как врагов родного города. Сознание значительности одного из старейших русских городов постоянно ощущается в отношениях Москвы к Новгороду. Москва широко использовала новгородские летописи, приглашала к себе новгородских иконников и каменщиков, подчеркивала славу и величие Великого Новгорода, исконную зависимость его от московских великих князей, усматривая новгородскую измену лишь «в последних letech». Постепенно Москва обстраивала новыми стенами Новгородский Детинец, возвратила в Новгород софийскую казну, увезенную было Иваном III, перепланировала город, расширяя улицы, упорядочила городскую жизнь, наконец, всячески пыталась использовать книжные традиции Новгорода.

В первой половине XVI века в Новгороде наблюдалось возрождение организованной работы над летописью. В 1520 году при архиепископе Макарии — будущем участнике «Избранной Рады» Грозного — здесь была составлена особая редакция «Хронографа». В 1539 году был составлен новый

свод Новгородской летописи¹. При Макарии же в Новгороде составлялось грандиозное собрание житий русских святых — так называемые макариевские Четвы-Миней. Стремясь найти в новгородском прошлом опору для нового порядка, Москва поддерживала культ представителя московской демократической партии в Новгороде — Михаила Блопского. Политическое значение этого культа видно хотя бы из того, что впервые в истории древнерусской книжности в начале XVI века составление нового жития этого святого было поручено светскому лицу — московскому чиновнику, сыну боярскому и «храброму воину» Василию Тучкову, который значительно усилил московский, антишосаднический дух жития.

В течение всего XVI и XVII веков в Новгороде осуществлялся целый ряд общерусских культурных предприятий. Москва поддерживала книжность Новгорода, и сам Новгород в целом придерживался общерусской позиции, однако кое-какие отголоски идей боярско-литовской партии в церковной трансформации, как например идея совершенной самостоятельности новгородской церкви (легенда о белом клобуке), о превосходстве «священства» над «царством» и т. д., еще долго сказывались и в новгородской книжности и в новгородской жизни на протяжении всего XVI и XVII веков.

Идейная борьба Москвы и Новгорода в XV веке показывает, каким интенсивным подъемом политической мысли сопровождалось присоединение Новгорода. Широким, общенародным, историческим концепциям Москвы противостояли в Новгороде узкие политические идеи, попытки найти опору в новгородском прошлом. При этом идейные построения боярско-литовской партии встречали идейное же противодействие в самом Новгороде со стороны широких масс новгородского населения.

¹ См. А. А. Шахматов «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.», стр. 371 и др. Л. 1938.

